
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.74:81

ББК 60.562.5

Б 91

Н.Ю. Буряк,

старший преподаватель кафедры зарубежной филологии Академии маркетинга и социально-информационных технологий — ИМСИТ г. Краснодар, тел. 8 918 451 13 88, E-mail: kauzschatten@mail.ru

Культурообразующий потенциал и социокультурная сущность языка: особенности этносемантической интерпретации

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития современного общества как процесса динамического взаимодействия множества различных культур. Автор анализирует и интерпретирует этнокультурные особенности языка.

Ключевые слова: этнокультурные особенности, культурные ценности, культурная интерпретация, межличностное общение, языковое общение, интерпретация.

N.Yu. Bouriak,

Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, the Academy of Marketing and Social-Information Technologies, Krasnodar, ph.: 8 918 451 13 88, E-mail: kauzschatten@mail.ru

Culture-forming potential and the sociocultural nature of language: the peculiarities of ethnosemantical interpretation

Abstract. The paper is focused on the problem of the development of modern society which is regarded as the process of interaction of different cultures. The author analyzes and interprets the ethnocultural peculiarities of language.

Keywords: ethnocultural peculiarities, cultural values, cultural interaction, interpersonal communication, linguistic communication, interpretation.

Развитие современного общества может рассматриваться как процесс динамического взаимодействия множества различных культур, каждая из которых обладает своими, только ей присущими традициями, обычаями, моделями взаимодействия. Ценности одной культуры часто несовместимы с ценностями других, а иногда и настолько специфичны, что их адекватное понимание (а зачастую и признание) доступно только тем, кто принадлежит к данной культуре или наделен достаточно чутким историческим видением, свободным от этноцентристских догм и предрассудков. Непонимание и нежелание уважать и признавать ценности

чужой культуры часто приводят к нетерпимости, дискриминации и даже к прямой агрессии по отношению к ней. Общество как носитель символических культурных программ может воспроизводиться и развиваться только при условии сохранения, взаимодействия и прогресса составляющих его этносов, их языков и культур.

В глобализирующемся социуме человек постоянно находится на рубеже культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания, уважения к культурной идентичности других людей. Проблема взаимоотношения языка и культуры как объект исследования имеет исключи-

тельно важное значение для современной культурологии. Поэтому вполне естественно, что именно в ней данная проблема получает так или иначе достаточно серьезную и многоплановую проработку. Причем здесь следует особо отметить характер взаимообуславливающей билатеральности между ними (т.е. между языком и культурой).

Язык — не какая-то гносеологическая абстракция, а конкретный лингвокульт-урологический феномен. Он, подобно живой «губке», впитывает все богатство культуры вплоть до ее трудноуловимых особенностей, тончайших нюансов. В то же время любая культура, будучи в конечном счете национальной, в немалой степени «повязана» на характере и закономерностях имманентного развития, специфике внутреннего строя и других чертах конкретного языка. Путем лексических заимствований, лексико-семантического взаимоперевода язык, точнее, языки также выполняют незаменимую роль в плане интернационализации культур, глобализации межкультурной коммуникации, диалога культур Востока и Запада.

Понимание важной роли языка в культуре составляет общее движение культурологической мысли в стремлении создать основное направление в общей теории культуры. «Культура все больше и больше открывается нам как универсальная система символов, регулируемая одними и теми же операциями; это символическое поле обладает единством, и культура во всех аспектах представляет собой язык» [1].

Культура — это альфа-стержень любой цивилизации, установление нравственных принципов и культурных императивов в обществе — самая главная и трудная проблема любого социума. Профессор З.К. Тарланов определяет неразрывную связь языка с этносом: «Язык в этнических границах его носителей — это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура..., его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космо-

се..., о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости» [2].

Пласт проблем, органично связывающих язык с этносом, культурой и обществом, обретает особую значимость как раз в свете социальной культурологии. В этом отношении язык конституируется, прежде всего, как предмет и понятие социокультурного порядка. Отсюда он получает адекватное осмысление, полновесную семантическую интерпретацию, лишь будучи вплетенным в ткань культуры, вписанным в структуру общества. При этом социокультурная детерминация языка однозначно предполагает, что вне общественной и культурной коммуникации, в отрыве от социокультурных процессов вряд ли возможны реальное овладение им, полноценное его использование. Особое место языка в культуре и обществе предопределяется тем, что он выступает основным носителем и мощным ретранслятором культурных ценностей, социальных значений, служит эффективным регулятором и координатором общественных отношений (т.е. взаимоотношений внутри социально-групповых, национально-этнических образований и между ними). Вместе с тем язык — не только существенный элемент, важнейшая сторона этих двух глобальных понятий. Он представляет собой целый мир, способный лексически и семантически охватить всю многогранную культуру, все многосложное общество. Следовательно, как определяет крупнейший американский специалист в области социологии культуры Н. Смелзер, «все элементы культуры... могут быть выражены в языке» [3].

Язык, как социокультурный фактор, также в значительной мере способствует формированию и организации опыта людей. Объясняется это тем, что, «как и вся культура в целом, он вырабатывает общепринятые значения.

Коммуникация возможна только лишь при наличии значений, которые принимаются, используются ее участниками и понятны им» [4]. Но подобное «наличие общепринятых значений» допустимо и реализуемо, как правило, в пределах одного (единого) языка. Причем философско-культурологический срез последнего рельефно очерчивает и обнажает еще одну очень важную функцию языка — функцию идентификации людей в рамках той или иной социальной группы, этнической общности. «С одной стороны, возможность общения способствует сплочению членов социальной группы. Общий язык объединяет людей. С другой — общий язык исключает тех, кто не говорит на этом языке...» [4]

Такое, однако, неприемлемо в отношении чужого языка, чьи значения неизвестны или не всегда понятны для участников коммуникации, говорящих на родном или общедоступном языке. Здесь налицо тот факт, что понятия, значения, мысли, которыми оперирует человек, несут на себе зачастую печать особенностей национальной культуры, своеобразия национального языка. В связи со сказанным резонно обратиться к некоторым интересным идеям представителей известного в свое время философско-социологического направления «общая семантика». Так, один из основных теоретиков этого направления, президент Международного общества общей семантики С. Хаякава [5], по этому поводу утверждает: «Человек, который говорит на языке, резко отличном по своей структуре от английского языка, например, японском, китайском или турецком, может мыслить совсем не теми мыслями, которыми мыслит человек, говорящий на английском языке...» [6] Суть данного высказывания вполне вписывается в русло этнокультурной проблематики. Поэтому его смысл имеет под собой серьезное основание. И действительно, структурные особенности национальных языков характеризуются высокой степенью влияния на стиль, образ, строй мышления, мировосприятия их носителей, т.е. эти особенности суще-

ственным образом наслаиваются на национальный менталитет и способствуют спецификации последнего.

В плоскости вышеобозначенного примечательными и достаточно оправданными представляются предостережения Хаякавы относительно формализации языка, его критика формально-логического закона исключенного третьего. Он обоснованно считает, что формальная (двузначная) логика применительно к языку обрекает людей, как правило, на двухполюсную ориентацию. Эта ориентация, по его мнению, имея чересчур «жесткий, двухполюсный характер», вынуждает всегда делать выбор между двумя взаимоисключающими, альтернативными оценками явлений по принципу строгой дизъюнкции «либо — либо». В результате язык оказывается втиснутым в прокрустово ложе, откуда можно, как пишет Хаякава, «видеть вещи в свете лишь двух оценок — утвердительно и отрицательно, хорошо и плохо, жарко и холодно, любовь и ненависть» [6]. А в области философии и социологии такая ориентация, справедливо полагает он, оборачивается противопоставлением контрарных систем типа «идеализм — материализм», «капитализм — коммунизм».

Между тем живые языки всегда отличаются смысловым многообразием. К тому же они наделены соответствующим национальным колоритом. С точки зрения Хаякавы, языки в своем естественном развитии изначально обладают духом «протеста» против попыток подогнать все понятия, суждения, умозаключения под пресловутый критерий, состоящий только из двух противоположных оценок. «Язык повседневной жизни обнаруживает то, что можно назвать многооценочной ориентацией. У нас есть шкалы суждений. Вместо «хорошо» и «плохо» у нас имеются «очень плохо», «плохо», «неплохо», «прекрасно», «хорошо», «очень хорошо» [6].

Вот это наличие множества шкал, многообразия оценок как раз позволяет более или менее полно отобразить заложенную в языках смысловую гамму.

Причем спектр значений опять-таки варьируется в зависимости от того, как, где, в каком конкретно языке (национальном) происходит их дешифровка. Дело в том, что одни и те же слова, словосочетания, предложения с одинаковыми значениями в разных языках и культурах могут получить столь же разное семантическое звучание. Например, мы воспринимаем форму, цвет и вкус предметов окружающего мира, но в разных культурах мир организован по-разному. В немецком языке слово *essen* обозначает прием пищи людьми, а слово *fressen* — прием пищи животными, в то время как в английском языке и то и другое обозначает только одно слово *eat* (Мы можем выразить это различие в английском языке, если скажем о ком-то: «Ест, как свинья».) В уэльском языке имеется слово *glas*, обозначающее все цвета, которые в английском обозначаются как зеленый, синий и серый» [6].

Эти моменты можно проиллюстрировать и на других, не менее убедительных вещах. К примеру, в немецком языке выражение «*das kommt mir spanisch vor*» при прямом (лексически и грамматически правильном) переводе на русский означало бы «это кажется мне испанским». Но на самом деле, т.е. при адекватном переводе при установлении семантического соответствия оригиналу речь идет о такой лексической конструкции, как «это кажется мне странным». Обратимся еще к двум выражениям на английском языке — «*pull ones leg*», «*cool as cucumber*». Буквальный перевод на русский язык — «тянуть за чью-либо ногу», «прохладный, как огурец» — не ведет к осмысленному их восприятию. По существу семантически точными здесь могут быть следующие выражения: «водить кого-либо за нос», «холодный, как лед».

При смысловом анализе и интерпретации иноязычных высказываний немаловажную роль играют особенности местных наречий, бытовых оборотов, жаргонных выражений. Если интерпретатору, допустим, не удастся должным образом вникнуть в них, то

его неминуемо могут ожидать разного рода «казусы». Это тонко подметил великий знаток семантики перевода К.И. Чуковский при разборе стихотворения негритянского поэта Л. Хьюза (оно дается в переводе опытного литератора М. Зенкевича): «Стихотворение озаглавлено «Черная Мария», и в нем, судя по переводу, рассказывается, какой страстной любовью пылает некий негр к чернокожей красавице, которая отвергла его:

В Черной Марии

Сияние дня

Не для меня.

Но как был огорчен переводчик, когда обнаружилось, что Черная Мария — не женщина, а... тюремный автомобиль для перевозки арестованных и что на самом-то деле негр не очень пламенно стремился в объятья к этой ненавистной «Марии». Стихи следовало перевести вот такими словами:

«Черная Мария»

За окном видна.

«Черная Мария»

Встала у окна.

Не за мной, надеюсь,

В этот раз она? (Перевод В. Британишского) [7]

Как видим, изоморфное понимание языка по существу невозможно без анализа его этносемантической природы, без учета его этнокультурных особенностей. То, что дело обстоит именно таким образом, можно рельефно показать на примере японского языка, японской речи. Как пишет С.В. Неверов, «обычный для японцев разговор двух встретившихся на улице знакомых внешне выглядит очень странно: «Дотирамадэ?» — «Вы куда?». «Тётто соко-мадэ» — «Да ненадолго туда». «Дэва иттэ ирассяй» — «Ну что же, ступайте и возвращайтесь». Здесь все основано на подтексте. Первый собеседник, встретив неожиданно знакомого, выражает своим вопросом беспокойство: не случилось ли чего-нибудь. Второй дает понять, что идет по вполне обычному делу, на что и получает пожелание доброго пути. Для японца характерно большое внимание к так называемым омовасэбури — значениям, возникаю-

щим при высказывании за пределами самого высказывания, коннотативным значениям» [8]. Приведенный выше фрагмент разговора (довольно-таки непривычного по внешней форме) характеризует японский язык как раз с точки зрения национально-культурных черт его носителей. Японская речь — это настоящее искусство особого построения высказывания, где всегда на первом месте стоит задача оказания максимального внимания собеседнику, проявления высшей учтивости к нему, создания у него настроения, всемерно благоприятствующего беседе. Вот почему в японском языке как нигде так широко развита система личных местоимений: существует около 50 форм обращений в почтительно-официальном, высоком, нейтральном, сниженном, дружески-вежливом, скромном, фамильярном стилях, около 50 форм приветствий, более 40 форм выражения благодарности, более 20 форм извинений.

Обилие некатегоричных форм высказываний в японской речи при этом нередко подкрепляется традиционными выражениями типа «не будет ли это так, что...», «хотя сам я думаю, не обстоит ли дело так, что...», «у меня такое впечатление, как будто можно сказать, что...», «мне представляется, нет ли такого положения, когда нельзя не сказать, что...». Приведенная выше и подобного рода словесная «вуаль», придавая речи витиеватый характер, напуская на нее некую туманность, призвана как раз максимально оградить ее от любой формы остроты и категоричности. Национально-культурные особенности столь же характерны и для собственно языковых текстов. Здесь прямой «словарный» перевод мало что даст для адекватного его осмысления. Единственное, чего можно добиться, — это, пожалуй, предварительное уяснение значения некоторых слов.

Как отмечает Я. Корнильев, «японский язык очень трудный. Ну, представьте себе, вместо того, чтобы сказать «Это, наверное, яблоко», японец чаще всего скажет фразу, в дословном переводе (если вы осилите) означающую: «Вряд ли это не яблоко». Или еще

хлестче: «Нельзя сказать, что не было бы заблуждением утверждать, что это не яблоко». Запутались? То-то. И всего лишь потому, что продолжаете думать на русский и европейский манер. И как не думать, если о родном русском или до боли знакомом английском напоминают написанные на русском или английском учебники японского языка или преподаватели, у которых, несмотря на отличное токийское произношение, менталитет остается русским, европейским» [9]. Потому не удивительно, что зачастую многообразие специфических связей слов, фраз и отрывков остается вне поля дешифровки, которым очерчены грамматические и лексические возможности естественного языка. Понимание в большей или меньшей степени достигается лишь при «прокручивании» всего арсенала культурно-семиотических параметров, из которых соткан вторичный, кодовый язык текста.

По-особому структурированный характер присущ древнекитайским текстам. В них структура определяется не линейной причинно-следственной связью, при которой заключение следует из посылок, а таким типом связи, когда последующее возвращается к предыдущему как к исходному, доминирующему. Подобный тип построения текста детерминирован принципом возвратности в древнекитайской философии. По принципу многоярусной семантики, многослойной символики также построены тексты в тибетских медицинских трактатах, в частности — в «Чжуд-ши» [10]. Слова в них — это настоящий «маскарад» криптограмм, как бы плотным строем закрывающий путь в глубинный, тайный смысл. Лишь тот, кто сумел постичь во всех нюансах данную историко-культурную традицию, получает доступ к нему. Подлинный смысл текста лежит вне лексики того естественного языка, который, по сути, играет только маскирующую роль. Он задан системой закодированных в социокультурный пласт символов. «Выход» к ним, как к основным смысловым элементам, возможен лишь при учете структурных особенно-

стей той культуры, где создавался этот текст, поэтому затруднения в понимании последнего вполне естественны. Но они вызваны не сложностью грамматики, не особенностью лексики языка, а определенной недооценкой либо недопониманием специфической целостности, системности данной культуры. Кроме того, важно иметь в виду и то, что «учет культуроведческого материала, его отбор и презентация в процессе обучения языку составляют сущность лингвострановедения. Фоновые знания, связанные с особенностями национальной культуры, находят свое выражение, прежде всего, в национально окрашенной лексике (например, в американизмах)» [10].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что при анализе и интерпретации национально-культурных особенностей языка нередко допускаются крайние точки зрения. Неизбежный исход таких точек зрения — преувеличение, а порой абсолютизация этногруппой значения и роли своей культуры, своего языка. В этой связи «многие наблюдатели — как японские, так и американские, и европейские — неоднократно отмечали непривычность для японского массового сознания самой идеи о том, что иностранец, особенно представитель Европы или Америки, может говорить или читать по-японски» [10]. Причем идея о «лингвокультурной недоступности» японского языка, принципиальной невозможности его освоения иностранцами и, в конечном счете, его исключительной особенности, неповторимой природе усиленно подпитывается многообразными «научными исследованиями», согласно которым данный язык оказывается такой лингвосистемой, что никак нельзя ее «разгадать извне». В числе подобных «исследований», проповедующих особую форму лингвоцентризма, можно назвать труд профессора медицины, специалиста по оториноларингологии Цуноды Танданобу «Мозг японцев», вышедший в Японии в 1978 г. и вызвавший тогда своей наукообразной претенциозностью большой шум. Достаточно сказать, что эта работа в течение полугода выдер-

жала девять изданий. По той же причине она стала известной в некоторых других странах. В ней на основе весьма ограниченной серии экспериментов Цунода прибегает к беспрецедентной «научной экстраполяции»: все народы мира, исключая японцев, воспринимают гласные и согласные звуки только левым полушарием мозга, связанным с логическим мышлением, в то время как японцы этим полушарием «схватывают» лишь согласные, а гласные и неязыковые звуки у них фиксируются правым, эмоционально-интуитивным полушарием. Отсюда следует непреложный вывод о том, что европейским народам, китайцам и корейцам и вообще почти всему населению мира недоступны первозданные звуки природы, имманентная японская музыка [10].

По утверждению Цуноды, уникальность японского мозга не носит врожденный характер, она детерминирована самой жизнью в японском обществе, «замкнутой неповторимостью» самой этносоциальной общности. Поэтому японцы, родившиеся и живущие за рубежом, вне этнокультурной среды, ее теряют, тогда как корейцы, прожившие всю жизнь среди японцев, мыслят по-японски. Столь же категоричны суждения Цуноды о том, что только человек, имеющий японский мозг, может освоить японский язык, японскую музыку, японскую культуру в целом. Не менее безапелляционны его выводы и с другой стороны: японцы, будучи наделенными утонченным, более дифференцированным мозгом, способны освоить чужие языки и культуры, однако это для них нежелательно, ибо возможен негативный исход, т.е. утеря уникальных свойств «чисто японского мозга» [10]. Как видим, труд Цуноды Танданобу пропитан крайней формой этноцентризма.

Лингвоцентристские тенденции в языковом общении — явление довольно таки распространенное в мире. В обществе и культуре они прослеживаются в различных формах и видах. Причем в первом случае лингвоцентризм больше побуждается социальным расслоением и неравенством людей, в том числе

ранжированием статусных положений, ролевых функций внутри социальной системы. Язык здесь сознательно выпячивается, как необходимое средство дистанцирования на межгрупповом уровне, как своеобразный опознавательный знак для «своих» и «чужих», как особый код, позволяющий выделить и противопоставить одних другим. Во втором случае лингвоцентризм становится возможным в условиях этнокультурной замкнутости и «уникальности», этногруппового возвышения и «превосходства». В практическом плане он способствует усилению этнических предубеждений [10] и, следовательно, создает опасность межэтнических разногласий и конфликтов. Тенденции лингвоцентристского характера могут проявляться в рамках как билингвизма, так и диглоссии (в первую очередь, таких подсистем языка, как диалекты). «Группа, использующая данный язык, считает всех, говорящих на нем, своими, а людей, говорящих на других языках или диалектах, — чужими. В американском обществе диалекты иногда являются предметом насмешек: мы часто слышим, как передразнивают речь бруклинцев и бостонцев. Наличие лингвистических подгрупп внутри наций может быть причиной глубоких, длительных разногласий (одно из выдающихся исключений — Швейцария). Язык — главный символ антагонизма между англичанами и французами, проживающими в Канаде. Борьба между сторонниками и противниками системы преподавания на двух языках (английском и испанском) в некоторых районах США свидетельствует, что язык может быть важной политической проблемой».

Примечания:

1. Барт Р. Писать — непереходный глагол? // Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры. М., 2003. С.465.
2. Тарланов Э.К. Язык. Этнос. Время. Очерки по русскому и общему языкознанию. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та. 1993. 223 с.
3. Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 52.
4. Там же. С. 48, 53.
5. Сэмюэл Хаякава — яркая личность, человек интересной и богатой судьбы. Ученый и политик. Японец по происхождению, родился в 1906 г. в Канаде, в 1929 г. переезжает в США. Здесь с начала 40-х гг. и вплоть до конца 60-х гг. активно разрабатывает проблемы и методы общей семантики, которые показывают, насколько обширны научные интересы

Поводом для своеобразной (в основном мягкой, шуточной) формы лингвоцентризма могут послужить и случаи фонетических и лексических совпадений в родственных языках. Но при этом семантическая интерпретация подобных «совпадений» обнажает то, что между ними совершенно отсутствует смысловая совместимость. К примеру, слово «mist» с немецкого переводится как «навоз», а в разговорном значении — «барахло», «чушь», «ерунда», тогда как в английском, голландском языках оно означает «туман», следовательно, предупреждение на дорожном табло «Осторожно, туман» где-нибудь в Голландии у немецкоязычного водителя естественным образом вызовет легкую усмешку. Другой пример из этой же серии. Глагол «bellen» по-немецки значит «лаять», а по-голландски — «звонить», в том числе «звонить в квартиру».

Таким образом, лингвоцентризм можно квалифицировать как некоторое следствие абсолютизации национально-культурных особенностей языка, в том числе диалектных характеристик. В то же время он является прямым отражением и порождением социальной дифференциации и этнического разграничения внутри самого общества.

Говоря же о языке в связи с культурой в целом, т.е. подводя вкратце основной итог рассмотрения данной проблемы, необходимо еще раз подчеркнуть следующие два момента. Во-первых, национально-культурный пласт составляет важнейший семантический базис любого языка. Во-вторых, полноценное исследование и адекватное понимание языка именно как национально-культурного феномена всегда лежат в плоскости этносемантического анализа и интерпретации.

Хаякавы. Они охватывают вопросы лингвистики, логики, философии, психологии, социологии, антропологии и т.д. Одновременно в эти же годы он работает преподавателем и профессором ряда университетов США. В 70-е гг. избирается сенатором. В 1977 г. в составе группы американских сенаторов посещает СССР.

6. Hayakawa S.J. Language in Thought and Action. N. Y., 1949. P. 21.
7. Чуковский К.И. Высокое искусство. М., 1988. С. 12.
8. Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.
9. Корныльев Я. Учение с «погружением» // Япония сегодня. М., 1993. №4 (16).
10. Антонов В.И. Символ в обществе и культуре Востока. М., 1993. С. 35.

References:

1. Bart R. Is the verb to write an intransitive one? // Bart R. The system of fashion: articles on culture semiotics. М., 2003. P. 465/
2. Tarlanov Z.K. Language. Ethnos. Time. Sketches of Russian and general linguistics. Petrozavodsk: Petrozavod. State University Publishing house. 1993. 223 pp.
3. Smelzer N. Sociology. М., 1994. P. 52.
4. Ibidem. P. 48, 53.
5. Samuel Hayakawa — an outstanding personality, the person of interesting and great fate. He is a scientist and politician. A Japanese by origin, he was born in 1906 in Canada, in 1929 he moves to the USA. Here from the beginning of the 40s and up to the end of the 60s, he actively develops the problems and methods of general semantics which show, how extensive Hayakawa's scientific interests are. They cover the problems of linguistics, logic, philosophy, psychology, sociology, anthropology, etc. Simultaneously, the same years he works as a teacher and the professor of some universities of the USA. In the 70s he is elected the senator. In 1977, as a member of the group of the American senators, he visits the USSR.
6. Hayakawa S.J. Language in Thought and Action. N. Y., 1949. P. 21.
7. Chukovsky K.I. High art. М., 1988. P. 12.
8. Neverov S.V. Social and language practice of modern Japan. М., 1982.
9. Kornyljev Ya. Learning with «immersion» // Japan today. М., 1993. №4 (16).
10. Antonov V.I. A symbol in a society and in the culture of the East. М., 1993. P. 35.